

ОТ АВТОРА РОМАНА "ЧАСЫ"

MICHAEL
CUNNINGHAM

18+

МАЙКЛ
КАННИНГЕМ
КРАЙ ЗЕМЛИ

Прогулка по Провинстауну

CoRpus

LAND'S END
A WALK IN
PROVINCETON

Майкл Каннингем

**Край земли. Прогулка
по Провинстауну**

«Corpus (АСТ)»

2002

УДК 821.111-34(73)

ББК 84(7Сое)-44

Каннингем М.

Край земли. Прогулка по Провинстауну / М. Каннингем —
«Corpus (АСТ)», 2002

ISBN 978-5-17-120722-9

«Край земли» – единственная документальная книга американского писателя Майкла Каннингема. Она посвящена Провинстауну, городу на полуострове Кейп-Код, ставшему в середине XX века богемным и туристическим центром Восточного побережья. Сам Каннингем попал на Кейп-Код в восьмидесятых и с тех пор часто возвращается туда. В своей книге он путешествует по любимым местам, от пляжей, болот и дюн до аптеки и ресторана, рассказывает об обычных жителях Провинстауна и о знаменитостях, живших там.

УДК 821.111-34(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120722-9

© Каннингем М., 2002

© Corpus (АСТ), 2002

Содержание

Пролог	6
Край земли	7
Времена года	9
Мой первый раз	11
Свет на Лонг-Пойнте[4]	15
Пустоши	17
Лонг-Пойнт	18
Соляная топь	20
Херринг-Коув	21
Хатчес-Харбор	24
Дюны	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Майкл Каннингем

Край земли. Прогулка по Провинстауну

Посвящается Билли Форленце

© Michael Cunningham, 2002

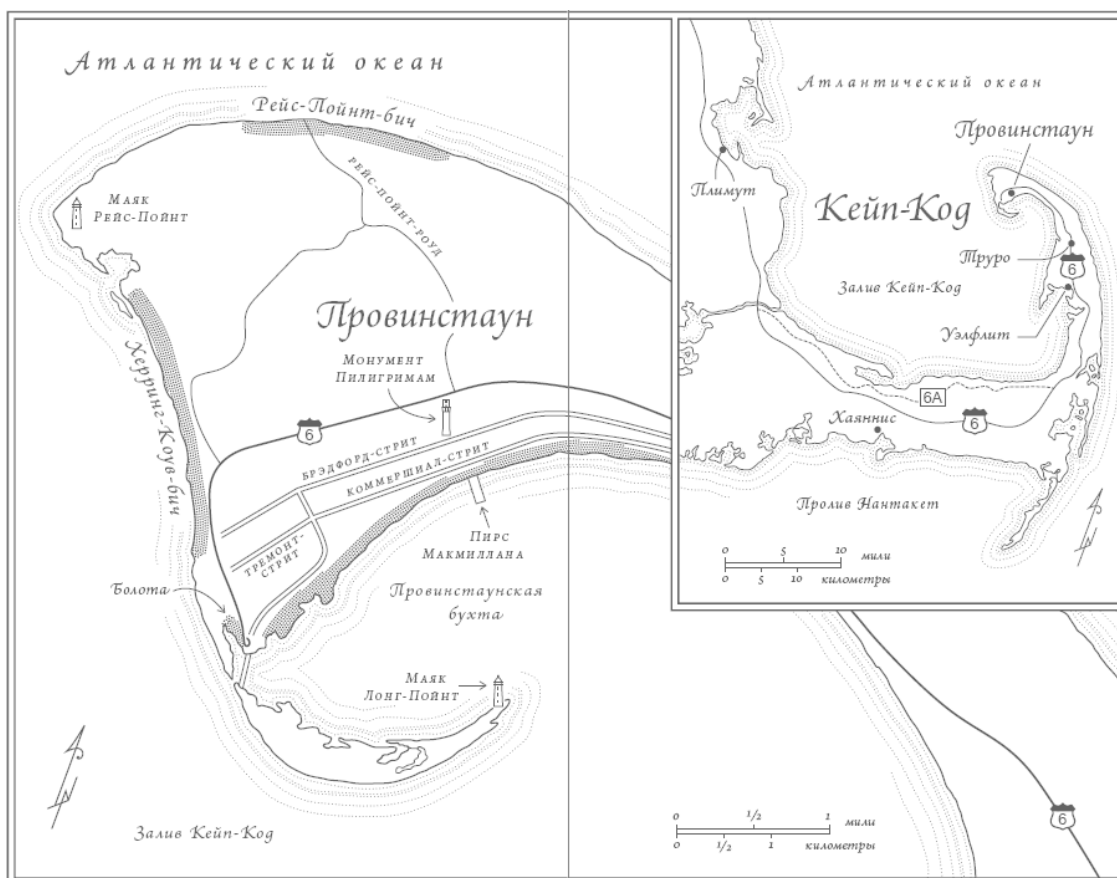
© С. Кумыш, перевод с английского, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издательство CORPUS ®

18+

Пролог

Ясными летними вечерами в Провинстауне, после захода солнца, когда небо начинает темнеть, на бортах лодок в бухте еще какое-то время держатся последние мазки света, который больше нигде не различим. Мимолетное фосфорное мерцание в приглушенной синеве. Как-то раз прошлым летом, пока стоял на берегу, глядя на лодки, я заметил на отмели кофейную чашку. Осколки посуды здесь – обычное дело (в Провинстаунской бухте, по форме напоминающей огромный ковш, оседает немалая часть содержимого взбаламученных приливами вод, что омывают полуостров), но целая чашка – редкость. Хотел бы я сказать, что это была совершенная фарфоровая вещица – как поэтично бы вышло, – но нет. Это была дешевка, родом, полагаю, из семидесятых: мелкая, овальная, пластиковая (отсюда ее практичная, но незавидная способность к выживанию), покрытая кричаще-яркими оранжевыми и желтыми маргаритками – официальными цветами напористого, расфранченного оптимизма, который я помню с юности, из тех времен, когда разговоры о революции поутихли и все мы попросту пустились в пляс. В общем, так себе чашечка, однако она переживет многие куда более уязвимые результаты потуг человечества воплотить понятие надежды в повседневных предметах. Она добралась до берега невредимой, тогда как осколки ее милovidных лунно-белых соплеменников из глины и костяной золы сгнули в океанских глубинах. В чашке лежала аккуратная маленькая ракушка цвета олова, с крошечным фиолетовым завитком на месте сломанного шарнира, и россыпь радужных слюдянистых песчинок, прилипших, как чайинки, к неглубокому дну. Я приподнял ее, будто собираясь отпить, и в этот самый момент свет на лодках погас.

Край земли

Провинстаун стоит на загнутой полоске суши в дальней части мыса Кейп-Код – бородка на конце крючка, хрупкое низинное геологическое образование, в былые времена скреплявшееся корнями деревьев. Однако первые поселенцы вырубали большую часть леса – деревья отступили вглубь, и теперь земля, на которой построен Провинстаун, фактически представляет собой наносную песчаную грядку, непрочно соединенную с материком, непрерывно видоизменяемую приливами и отливами. Оказавшись там в середине XIX века, Торо назвал это место “тончайшим лоскутом суши на поверхности океана, лишь дымчатым отражением песчаной косы”. С тех пор изменилось немного, во всяком случае, если смотреть издали. Построенный на окраине закругленного, как туфля джинна, мыса, что тянется от береговой линии Массачусетса, Провинстаун повторяет изгиб этой вялой спирали – и обращен не к открытому морю, а в сторону берега, к бицепсу Кейп-Кода. Далекие огни, которые видны ночью по ту сторону залива, – это соседние городки Труро, Уэлфлит и Истэм. Если вы стоите на берегу со стороны бухты, океан остается позади. Если же развернетесь и, наискось пройдя город и дюны, поплывете на восток, то рано или поздно пришвартуетесь в Лиссабоне. Выбраться из Провинстауна по суше можно лишь одним путем – которым вы приехали.

Сказать, что он недостижим, будет преувеличением, но и попасть туда не то чтобы просто. В 1700-х единственную дорогу, соединявшую Провинстаун с остальной частью Кейп-Кода, временами размывало из-за штормов и смены течений, и тогда добраться до него можно было лишь по воде. Даже когда погода и океан позволяли, волочившиеся по песку повозки нередко вязли, а иногда их опрокидывало в прибой. Теперь Провинстаун куда надежнее скреплен с землей. Туда можно приехать на автомобиле. Почти одинаково – около двух часов – из Бостона или Провиденса, если только не попадете в пробку, хотя летом это, скорее всего, неизбежно. Из бостонского аэропорта летает самолет – двадцать пять минут над заливом, и, если повезет, внизу вы увидите ныряющих китов. В летнее время – начиная с середины мая и до Дня Колумба¹ – из бостонской гавани дважды в день ходит паром. По своей сути Провинстаун – пункт назначения. Это край земли, конец маршрута. Его очарование отчасти состоит в том, что те, кто оказались здесь, приложили к этому определенные усилия.

В длину Провинстаун три мили, в ширину – чуть больше двух кварталов. С востока на запад его пересекают две улицы: Коммершиал-стрит, узкая, с односторонним движением, где сосредоточена почти вся городская жизнь, и Брэдфорд-стрит, более утилитарная, двухполосная, расположенная в квартале к северу. Соединительные дороги – по некоторым из них и одной-то машине трудно проехать – образуют весьма условную прямоугольную сетку между Коммершиал и Брэдфорд, а затем, повинувшись топографии, петляют на север, в сторону дюн или к стыдливым ложбинкам уцелевшего леса. Хотя город существовал здесь еще до 1727-го (год, когда ему присвоили официальный статус) и пережил немало губительных штормов, по-прежнему может случиться, что крупный, четко направленный ураган однажды все здесь сметет, поскольку в Провинстауне нет ни коренных пород, ни каких бы то ни было твердых точек опоры. Это песчаный город – более-менее в том же смысле, в каком арктические поселения – это ледяные города. В 1808 году один английский путешественник писал своим друзьям, что песок здесь “до того легок, что вихрится вокруг домов... подобно снегу в буран. И никаких твердых поверхностей: сходишь с порога, и нога утопает в песке”. А это уже Торо, примерно сорок лет спустя: “Песок – вот чего здесь стоит опасаться... Я видел школу, занесенную песком по самые верхушки парт”.

---

¹ Праздник в честь прибытия Колумба в Америку. Отмечается в Испании, Италии и ряде латиноамериканских стран (12 октября), а также в большинстве Соединенных Штатов (второй понедельник октября). *Здесь и далее – прим. перев.*

Песок с тех пор усмирили, и Провинстаун теперь зиждется на пластах асфальта, брусчатки и кирпича. При этом землю для садов свозили из других стран. Трава и цветы, растущие у домов постарше, тянутся из почвы, прибывшей в качестве балласта в корабельных трюмах в XIX веке, – когда-то она была частью Европы, Азии или Южной Америки. В ненастные дни над улицами по-прежнему взметаются песчаные вихоры.

Другого такого города на свете не существует. Если вы не любите толпы, летнее нашествие отдыхающих может оказаться для вас губительным. С другой стороны, если вы не выносите одиночества, за долгую зиму сосуд вашей души может переполниться ужасом. На Мартас-Вингярде, меньше чем в пятидесяти милях к югу и западу, выросли и разрушились горы, этот остров видел наступление и спад океанов, жизнь и смерть великих лесов и болот. По Мартас-Вингярду бродили динозавры, и их кости спрессовались в геологический слой. Ледники приходили и уходили, то буксируя остров к северу, то отталкивая его обратно на юг, точно баржу. Некоторые ископаемые с Мартас-Вингярда имеют возраст в миллион веков. Северную же оконечность Кейп-Кода, где стоял мой дом, ту землю, на которой я жил – длинный спиралевидный отросток на самом конце мыса, покрытый дюнами и кустарником, – ветер и море создали лишь за последние десять тысяч лет. По геологическим меркам это не больше одной ночи.

Наверное, поэтому Провинстаун так прекрасен. Зачатье ночью (ибо можно поклясться, что они выросли во мраке одной-единственной бури), на рассвете его песчаные отмели влажно блестят с девственной непорочностью края, впервые подставляющего себя солнцу. Десятилетие за десятилетием художники приезжают писать свет Провинстауна и сравнивают эту местность с венецианскими лагунами и голландскими болотами, но потом лето кончается, большинство художников уезжает, и город открывает глазам длинное несвежее исподнее новоанглийской зимы, тусклой и серой, под стать моему настроению. Тогда вспоминаешь, что краю этому всего десять тысяч лет и у здешних привидений нет корней. Это не Мартас-Вингярд – здесь не найти ископаемых останков, которые привязали бы духов к себе, и потому наши бесприютные призраки, кренясь, проносятся с ветром по двум центральным улицам городка, что огибают залив вместе, как две идущие в церковь старые девы.

Норман Мейлер “Крутые парни не танцуют”²

---

² Перевод с английского В. Бабкова.

Времена года

В разгар лета туристическое население Провинстауна неисчислимо. Зимой – едва превышает 3800 человек. Как по мне, он прекрасен в любую погоду, однако для тех, кому нужна обычная неделька-другая на пляже, стабильно солнечно здесь лишь в июле, августе и начале сентября, но и тогда с Атлантики может пригнать несколько дождливых дней, а то и недель. Летом тепло, случается и жара, хотя ночи почти всегда прохладны. Зимы, как правило, снежные. Поскольку город омывается океаном, здесь никогда не бывает так пронизывающе холодно, как в Бостоне – в двадцати семи милях через залив.

Я вырос на юге Калифорнии, где тот факт, что январь мало чем отличается от июня, как правило, почитают за благо, и по мере взросления во мне, похоже, нарастал идиотический ужас перед мягким климатом, который любезно воспроизводит сам себя день за днем, день за днем. Провинстаун отвечает моей тяге к непостоянству. Завеса промозглого дождя может пронестись посреди солнечного летнего дня, оставив после себя более прохладную и чистую версию все того же солнечного света. Несколько дней сверкающей ясности и относительного тепла могут случиться и в феврале. По моим личным метеонаблюдениям, в году здесь два периода равновесия. Глубокая зима, заслоняющая все вокруг стеной морозной тишины. Небо становится таким же ярким и бессмысленно-белым, как экран кинопаркинга в Уэлфлите. Город погружен в приглушенное сияние, как если бы свет не только лился с неба, но и поднимался вверх от бурой и серой земли – от зимних лужаек и фасадов притихших домов, от голых ветвей и свинцово-синего залива, от тусклого олова мостовых. Воздух обездвижен; цвета не просто яркие – яростны. Те из нас, кто находится там в эти дни, стараются ходить по улицам осторожно, почтительно, будто опасаясь разбудить кого-то. И если красота пребывает в постоянстве, это как раз о красоте Провинстауна: кажется, именно в зимней спячке он предстает в своем подлинном обличье, без драгоценностей и перьев, – подобно белой мраморной королеве, которая при жизни могла быть раздражительной и сумасбродной, склонной к хандре, падкой до бархата и парчи; теперь же она навсегда упокоилась в крипте собора, ее глаза мирно сомкнуты, на лице застыло выражение скорбного недоумения, – а живые сменяют друг друга со своими фотокамерами и свечами, со своими краткими молитвами.

И сердцевина лета – середина августа, иногда чуть раньше. Провинстаун – северный город, он ближе к Новой Шотландии, чем к Флориде, – осень там наступает рано. Ко Дню труда края отдельных листьев уже начинают рдеть и желтеть. Но вторая неделя августа (бывает чуть позже, бывает чуть раньше) – глубокая синяя чаша ясных дней, куда более шумных, чем зимние, но проникнутых все той же глубинной тишиной; все тем же ощущением, что мир всегда будет таким, как сейчас, – спокойным и теплым, подвыгоревшим на свету, его контрасты приглушены мерцанием, из-за которого бывает трудно определить, где кончается океан и начинается небо. Одним августовским днем несколько лет назад я сидел на пирсе с книгой и внезапно почувствовал, что нахожусь посреди огромного циферблата и прямо сейчас, в этот самый момент – полдень; я в самой середке расцветшего года. Минуту назад было восходящее лето; минутой позже оно пойдет на спад, хотя внешне ничего не изменилось.

Я люблю эти затишья, жду их с нетерпением, хотя, на мой взгляд, самая чудесная погода стоит здесь поздней весной и ранней осенью. Май и июнь в Провинстауне, как правило, тяготеют к мороси и туманам, и город затянут зеленоватой дымкой, как деревня в Шотландском высокогорье. Туманный горн не смолкает днем и ночью. Город открылся на лето – магазины и рестораны залиты светом, единственный уцелевший кинотеатр снова в деле, – но туристов пока еще мало. В эти недели население города почти исключительно составляют его круглогодичные и постоянные летние жители – люди, работающие в магазинах и ресторанах; они ходят по Коммерциал-стрит, перекрикиваясь в тумане, расспрашивают друг друга, как прошла зима;

они полны жизненных сил, которые будут постепенно иссякать, достигнув точки изнеможения и раздражения аккурат к выходным перед Днем труда. Но пока – впереди лишь секс, и танцы, и деньги, которые предстоит заработать. Сотни тысяч незнакомцев уже в пути – каждый может встретить любовь. Еле различимый гул, дымчатое зеленое свечение, лишь усиливаемое пронизывающей моросью. В это время года можно прогуливаться по Коммершиал-стрит после полуночи, когда фонари освещают едва ли больше, чем круги тумана, и обнаружить себя в полном одиночестве, если не считать рыскающих скунсов; мужчина по имени Батчи в синем мотоциклетном шлеме и с бородой до пупа бродит по ночным улицам с черным мусорным пакетом, полным не пойми чего; и другой мужчина в светлом парике и серебристом платье из ламе бредет сам по себе на двадцать шагов впереди, распевая *“Loving You”*, как свихнувшаяся Лорелея, по-прежнему пытающаяся заманить моряков на верную смерть, хотя она давно потеряла былую хватку.

Осенью, с середины сентября и до конца октября, происходит обратный процесс. Наверное, только в городе, отходящем к зимнему сну, зыбкая, дразнящая красота осени может быть явлена во всей полноте. Огни гаснут один за другим: первым закрывается кинотеатр, затем некоторые из бутиков-однодневок. Каждую неделю образуются новые лакуны. Тем не менее основная коммерческая активность поддерживается до Дня Колумба, после чего город переходит на зимний режим. Таких, кто держится на плаву круглый год, гораздо больше, чем было, когда я впервые приехал сюда двадцать лет назад, – многие места работают по выходным до самого Нового года, и некоторые снова откроются уже в апреле; теперь здесь два хороших круглогодичных книжных и магазин компакт-дисков – но к середине января останется лишь горстка баров, пара ресторанов и несколько лавок. В феврале можно идти по Коммершиал-стрит поздним вечером буднего дня и не встретить ни единой живой души. Снег сдувает с крыш, он вьется и поблескивает в пустынном свете фонарей.

Но со Дня труда до Хэллоуина здесь почти невыносимо прекрасно. Воздух в эти дни, кажется, теряет свою эфирность, густеет – его прозрачность будто бы уплотняется, полнясь едва различимой глазу золотой пылью. Небо стремится к сверкающей льдистой синеве, и все на свете, каждое существо облекается в мягкое золотистое свечение. В этом свете даже консервные банки выглядят здорово, даже брошенные пластиковые пакеты. Я не в достаточной степени поэт, чтобы рассказать, как выглядит соляная топь в часы прилива. Должен признаться, когда я жил в Провинстауне круглый год, то к концу октября становился раздражительным: один неземной день сменялся другим, и недолго было предположить, что единственный разумный человеческий поступок – это оставить свои никчемные стремления и планы, выйти на улицу и пасть ниц. Я обнаружил, что начинаю тосковать по относительной невзрачности ноября, когда свет потускнеет, а дороги облепит опавшими листьями; когда банки и пакеты снова будут выглядеть как обычный мусор. Хотя бы в ноябре я смогу спокойно поработать.

Мой первый раз

В первые я приехал в Провинстаун двадцать лет назад в состоянии до того глубокой растерянности, что уже и представить не мог, будто способен чувствовать себя иначе. Мне было двадцать восемь. Я только выпустился из Писательской мастерской Университета Айовы, и мне предложили место в резиденции при провинстаунском Центре изящных искусств, где с октября по май небольшой группе писателей и художников предоставляются квартиры-студии, ежемесячные стипендии и безраздельное, непрерывное время для работы. Исключительный акт великодушия. В моем случае это и вовсе стало спасением: два года в Айове подошли к концу, у меня не было ни денег, ни перспектив.

А еще я чувствовал себя старым – настолько, насколько это возможно лишь в молодости. Скоро мне исполнится тридцать, а я не добился ничего, что можно было бы назвать успехом даже по меркам моей мамы. До поступления в магистратуру я колесил по Западу, перебиваясь сомнительными заработками, и пытался писать. Опубликовал пару рассказов и начал несколько романов – вроде тех, что обычно пишут молодые люди в попытке преподать читающей публике урок-другой о том, как надо жить. Каждый раз, когда до меня доходило, что я понятия не имею, как людям следует жить, я бросал книгу на полуслове и принимался за другую. Я был в ярости и сгорал от стыда. Впервые в жизни угроза личного краха стала казаться мне вполне реальной.

До того как подать заявку на стипендию, я ни разу не слышал о Провинстауне. Я никогда не бывал восточнее Чикаго. Я ехал, обложенный коробками книг и одежды, в сопровождении двух друзей из магистратуры, живших в Провиденсе, штат Род-Айленд. Когда их фургон вырлил на Коммершиал-стрит, моя подруга Сара закрыла лицо руками и сказала: «Господи, это похоже на декорации к “Кабинету доктора Калигари»». Сара была склонна к преувеличениям (как и все мы), но я не мог с ней не согласиться. Я представлял себе небольшой новоанглийский городок, вроде тех, что видел в кино. Ожидал увидеть чопорные белые дома-солонки с ухоженными садами, неприметную белую церковь, окруженную неприметными надгробиями, и главную площадь с белой эстрадой, постепенно растающей в ярко-зеленую лужайку.

Вместо этого я увидел Коммершиал-стрит, бегущую с востока на запад по дуге, так что никакой тебе линии горизонта – едешь в машине, и улица смыкается сзади и спереди. Большинство домов и магазинов стоят плечом к плечу вдоль узких тротуаров. Магазины, как правило, представляют собой добротные, внахлест обшитые досками здания, ничем не украшенные – ни купольных надстроек, ни вдовьих дорожек³, которые я ожидал увидеть. В тот день в конце сентября повсюду висели объявления о финальных распродажах, кое-где были протянуты вереницы разноцветных флажков, вроде тех, что развешаны на стоянках подержанных автомобилей. Магазины, казалось, не соответствуют собственным размерам – как здания на “Главной улице США” в Диснейленде, построенные в слегка уменьшенном масштабе, чтобы выглядеть менее подавляющими, чем настоящие здания в реальном городе, хотя здесь эффект, по крайней мере для меня, вовсе не был успокаивающим. Океана нигде не было видно. Люди, что нам встречались, не походили на благополучных, слегка прихиппованных горожан, которых я себе навоображал. В основном это были туристы, толкавшие детские коляски вдоль сувенирных магазинов. И выглядели они по большей части такими же озадаченными и разочарованными, как и мы.

---

³ Огороженные платформы на крышах прибрежных домов, характерные для американской архитектуры XIX века. Название, как принято считать, отсылает к женам рыбаков и китобоев, наблюдавшим с этих площадок за океаном, ожидая возвращения мужей.

Я перенес вещи в квартиру, попрощался с Сарой и Джейми – так ребенок прощается с родителями, когда те оставляют его в не внушающем доверия летнем лагере. Близился вечер, только начало темнеть. Я вышел осмотреться.

Во время пешей прогулки все казалось более обнадеживающим, чем из фургона Сары и Джейми. Я выяснил, что, если протиснуться между домами, можно выйти к заливу, громаде темно-синей воды, где гудел фаготом туманный горн, а с наступлением вечера на полуострове в нескольких сотнях метров загорался одинокий зеленый огонек, похожий на тот, по которому томился Гэтсби. В центре города я обнаружил кинотеатр, этакого крепыша из красного кирпича в духе провинциальных американских домов кино тридцатых годов (впоследствии он сгорел), где показывали “Унесенных ветром”. Сеанс начинался через двадцать минут. Я посмотрел фильм вместе с пятью-шестью другими зрителями, и это было прямо здорово, даже несмотря на то, что копия была довольно старой и залатанной, поэтому, когда Скарлетт О’Хара споткнулась на лестничной площадке своего особняка в Атланте, уже в следующий момент она оказалась у подножия лестницы.

Однако после окончания сеанса я узнал, что следующим вечером “Унесенных ветром” покажут последний раз, после чего и кинотеатр закроется до мая. Два других уже были закрыты на зиму. Ну и ладно, подумал я. Кому нужны фильмы? Буду читать по вечерам. Я побрел дальше и нашел небольшой уютный бар, где худосочные женщины в кожаных куртках играли в бильярд, а стайка мужчин сидела у камина, смеясь над анекдотами до того бородатыми, что рассказывать их целиком едва ли было необходимо. Я заказал пива и узнал от бармена, что в конце недели это место тоже закроется до мая.

В течение следующих нескольких дней стало очевидно, что, за исключением жизненно необходимых продуктового и аптеки, а также – вот уж диво – стойкого книжного магазина, с октября по май не будет работать вообще ничего. Туристов будет все меньше и меньше. Здесь, как я вскоре понял, останется лишь горстка местных жителей, что все плотнее кутались от холода и с наступлением вечера почти поголовно разбредались по домам, кроме разве что самого заметного городского сумасшедшего – красивого растрепы, который выглядел слегка опаленным, будто только что выбрался из огня; он ходил взад-вперед по Коммершиал-стрит днем и ночью в одних и тех же темных джинсах и фланелевой рубашке, что-то яростно бормоча в ледяной воздух. Останутся два бара, где обслуживают рыбаков, и одно загибающееся вегетарианское кафе. Ну и ладно, подумал я. Никаких отвлекающих факторов. Все семь месяцев буду писать и читать.

Я действительно читал – беспокойно и беспорядочно: прочел половину “Пармской обители”, что-то из Филипа Рота, немного Дороти Сэйерс. Я не мог толком сосредоточиться. Я не писал, хотя и старался изо всех сил. Мой блеф был раскрыт. Оказавшись в идеальных условиях – своя комната, полное отсутствие развлечений, – я обнаружил, что вообще не могу писать. Я засиживался допоздна, а наутро не вылезал из кровати до полного пробуждения, но в какой-то момент все равно приходилось подниматься и встречать очередной бессмысленный день, в течение которого я пялился на пишущую машинку, выдавливал из себя пару предложений, зачеркивал их, а затем бродил по берегу залива и пустынным улицам, мимо заколоченных сувенирных лавок и бормочущего мужчины, пока не наступал вечер, и можно было готовить ужин, приниматься за выпивку и читать, ну или пытаться читать. Я купил старенький черно-белый телевизор и смотрел его часами напролет с безрадостным удовольствием наркомана, отчасти вызванным моей готовностью пустить все на самотек. Той зимой я утратил не только последнюю надежду на оптимизм, но и саму веру в него. Мне казалось, что на пороге тридцатилетия мне достался ранний тур по дому престарелых, где один бесконечный день сменяется другим, где сон – единственная мыслимая награда. Одним особенно блеклым февральским вечером я сидел на своем скрипучем клетчатом диване, накидывался водкой, слегка раскачиваясь под бубнеж телевизора, и пообещал, что если выживу в оставшиеся месяцы, то покину

Провинстаун и не только никогда больше не вернусь, но никогда больше не окажусь в месте с населением меньше одного миллиона человек.

Но в конце концов я влюбился в Провинстаун – так, встретив кого-то, кто кажется тебе странным, докучливым, потенциально опасным, однажды обнаруживаешь, что сочетаешься с ним законным браком. Когда срок стипендиальной программы истек, я остался на лето, устроился на работу в бар – то есть снова упек себя в глушь, не имея ни денег, ни хоть сколько-нибудь внятного плана на ближайшее будущее. Осенью я отправился в Нью-Йорк, и он мне понравился, но, к своему удивлению, я обнаружил, что против собственной воли скучаю по Провинстауну – так начинаешь распознавать ранние симптомы любви или простуды. Отдельные картинки вставали у меня перед глазами с особой четкостью. Например, освещенная изнутри телефонная будка на западной окраине города – там, где улица, добравшись до соляной топи, изгибается и возвращается назад, – шкатулка тусклого желтого света на фоне черно-зеленых болот и лилового неба в ранних сумерках посреди декабря. Я стоял и смотрел на этот светящийся прямоугольник, на болото за ним, будто в них была заключена красота до того непреложная и зыбкая, что ее можно лишь свидетельствовать. Месяц или около спустя я увидел, как огромная серебристая баржа ночного облака мирно скользила по замерзшим звездам, а я стоял на краю пирса и дрожал, не в силах расплакаться, хотя мне очень этого хотелось, и все смотрел на зеленый огонек Лонг-Пойнта, и все слушал повторяющуюся басовую ноту туманного горна – возвращайся домой, дитя, ледяная мать ждет тебя, ей не нужно, чтобы ты боролся или добивался успеха, она лишь хочет, чтобы ты уснул. Провинстаун обнаружил свое внесезонное ледяное великолепие, а затем наступила весенняя оттепель, и на улицах снова появились люди, и с каждым выходными их становилось все больше. Солонватая тишина рассеялась; запах попкорна мешался с запахами жареной еды. Из баров вновь сочилась музыка, в городе стала ощущаться возможность секса. Все это я взял с собой в Нью-Йорк. Гуляя по нью-йоркским улицам, я начал задаваться вопросом, возможно ли, что той зимой впервые в жизни я до того ослаб, что смог различить пугающее твердокаменное роскошество мира, которое остается, когда отпадают идеализм и сентиментальность. Провинстаун в его зимнем запустении и последующем временном возрождении оказался для меня более реальным или, по крайней мере, более достоверным, чем любое другое место, где я бывал до сих пор. Похоже, он стал для меня (хотя в то время я бы не использовал это слово) домом.

Следующим летом я вернулся, заверяя себя, что намерен исключительно подзаработать и потрахаться. Я влюбился в красивого, невероятно эффектного парня, владевшего кафе в восточной части города. Я утверждал, что больше никогда не смогу жить в Провинстауне, но в итоге переехал туда, к тому парню. Несколько лет спустя я расстался с ним, но продолжал возвращаться в город.

Теперь я езжу туда при каждой возможности. Мы с Кенни, мужчиной, с которым я живу, купили дом в Ист-Энде. Если завтра я умру, то хотел бы, чтобы мой прах развеяли в Провинстауне. Кто знает, почему мы влюбляемся в те или иные места, в тех или иных людей, в объекты, идеи? Тридцать веков существования литературы не приблизили нас к разгадке и ни в коей мере не умалили нашего интереса.

Провинстаун – таинственное место, и те из нас, кто любит его, склонны проявлять свои чувства с особым, трудно объяснимым рвением. В этой книге я попытаюсь рассказать не больше, но и не меньше, чем историю моей собственной особой привязанности, отдавая себе отчет, что мой Провинстаун разительно отличается от Провинстауна других. Это место не то чтобы вдохновляет на объективность – сама его история в гораздо большей степени полна домыслами и слухами, нежели подтвержденными фактами, – и Провинстаун, который покажу вам я, не считая определенных особенностей географии и погоды, не будет похож на Провинстаун, о котором вам рассказал бы главный библиотекарь, или местные рыбаки, упорно приносящие улов из оскудевших вод Северной Атлантики, или женщина, приехавшая сюда двадцать

лет назад, чтобы жить так далеко от мужчин, насколько это вообще возможно. Эта книга – маленькая пластиковая чашка с ракушкой на дне, найденная на приливных отмелях, рожденная – в несколько озадаченном преклонении – под призрачное мерцание лодок в бухте.

Свет на Лонг-Пойнте⁴

Лонг-Пойнт – призрачен
теплым весенним утром,
берег – мутная прядь

песочного света, и белый квадрат
маяка – отделенный от нас
ультрамарином залива,

точно где-то, куда мы
никогда не сможем дойти – светится
как видение, растворяясь

в прополощенном мартовском синем,
наш последний приют
в неопределенности моря.

Точно усиленный солнечным светом, он
будто бы весел,
твердая точка в нашем пути

вдоль берега. И иногда,
я думаю, это то-где-мы-будем,
но не сейчас, обнажившийся краешек

того света. С наступлением темноты
из глубины проступают его призывы:
зеленый, свидетельствующий о конце ночи,

мигающий горизонт, маркер
сохранности и предела.
Но беспредельный – в том, как он

призывает и куда он, наверное, хочет,
чтоб мы пришли. И я приглашаю его
в текст, чтобы он говорил,

и маяк говорит:
*Вот мир, которого вы просили,
красивый, благонадежный,*

*вот девять часов на пристани
и мерцающий код: обещание и угроза.
Утро размером с рай.*

---

⁴ Перевод Г. Симонова.

Что вы с ним будете делать?

Марк Доти

Пустоши

Хотя парты в школах уже не заносит песком и песчаные сугробы больше не нарастают под стенами домов, Провинстаун по-прежнему сплошь пронизан норовистыми песчаными пустошами. Автомастерские стоят в тени дюн; прибрежные дома построены прямо на песке – и там, где у их материковых сестер лужайки, у них самих ракушки и пляжная трава. Куда ни пойдешь, всюду слышен звук туманного горна. В пустошах можно укрыться от шума и торговли; город позволяет хотя бы частично избавиться от ощущения, будто ты лишь помеха вездесущему покою, что просачивается сквозь окна по ночам и надолго повисает в воздухе после твоего ухода.

В каком-то смысле Провинстаун – одно сплошное побережье. Если вы стоите на берегу, наблюдая за отливом, вы не сильно ближе к воде и не то чтобы доступнее ветрам, чем в центре города. Вдоль всей бухты, а следовательно, и города, ощетинившись водорослями и жухлой морской травой, тянется пологий пляж. Поскольку Провинстаун низко посажен на континентальном шельфе, он в немалой степени подвержен влиянию приливов и отливов, которые в сизигии солнца, луны и земли могут превышать двенадцатифутовый перепад. Участки берега шириной более ста ярдов во время прилива полностью скрываются под водой. Вода в заливе абсолютно спокойна практически в любую погоду и теплее, чем на океанских пляжах, но, поскольку это Северная Атлантика, даже в августе она не бывает в привычном смысле теплой. Пляж залива всецело обжит – городские задворки пустуют разве что в экстремальную погоду, Впрочем, многолюдно там тоже не бывает; и никаких прибойных волн, поэтому вода, что мягко плещется о берег, всегда кишит лодками. Здесь особенно здорово с собаками и маленькими детьми: помимо пляжа, единственное открытое пространство, где они могут вдоволь нарезать, – игровая площадка у школы на холме. Не менее здорово гулять здесь в одиночестве, и лично я предпочитаю ясные зимние дни, когда воздух до болезненного колюч и снежинки мешаются с песком. Пляж усеян ракушками, но это ракушки Новой Англии, почти исключительно двустворчатые, их палитра колеблется от серого до коричневого, переходя к светло-коричневому – с редкими вкраплениями розовато-лилового или глубокого пыльно-фиолетового. Это не морской пейзаж, тяготеющий к розовому и бледно-голубому. Время от времени на пляж выбрасывает случайные сокровища: старую глиняную курительную трубку или целую стеклянную бутылку – сгусток мутного света, обточенный океаном. Скульптор Пол Боуэн, беспрестанно прочесывающий пляжи, за эти годы нашел несколько фарфоровых кукольных голов, рук и ног, и я всегда хожу по тому же участку побережья в надежде увидеть среди камней и осколков крошечное белое личико, наполовину занесенное песком: чопорные алые губы, бесстрастный голубой глаз.

Лонг-Пойнт

Самый дальний конец песчаной спирали, на которой стоит Провинстаун, краешек вялой закавычки мыса – это Лонг-Пойнт, узкая полоска дюн и травы. Хотя условно он относится к матерiku, столетия назад океан размыл основную часть тощей песчаной горловины, соединявшей его с землей. В 1911 году здесь установили дамбу, скрепляющую Лонг-Пойнт с окраиной Вест-Энда. В XVIII веке, когда Лонг-Пойнт был по сути островом, там образовалась община, со временем разросшаяся примерно до двухсот человек, большинство из которых работали на солеварнях – выпаривали соль из морской воды. Все, что было им необходимо, все, чем их не мог обеспечить океан, поставлялось на лодках непосредственно из Провинстауна.

Во время войны 1812 года⁵ британцы оккупировали Провинстаун и отрезали пути снабжения жителей Лонг-Пойнта. Когда разразилась Гражданская война, провинстаунцы, опасаясь вторжения войск Конфедерации в залив, что означало бы блокаду всего города, построили на Лонг-Пойнте две песчаные крепости, водрузив на каждую по пушке. До Провинстауна конфедераты так и не добрались, а поскольку добровольцы день за днем и ночь за ночью стояли на страже над участком соленой воды, на который никто не претендовал, к оборонительным сооружениям прилипли имена Форт Нелепый и Форт Никчемный.

Еще до начала Гражданской войны, ближе к середине XIX века жители Лонг-Пойнта начали осознавать, что, поселившись здесь, они совершили ошибку. Их дома были чуть ли не кокетливо подставлены штормам и ураганам, соль продавалась уже не так хорошо, и сама мысль, что каждое яйцо, каждую штопальную иглу или пару носков необходимо заказывать и доставлять на лодке, потеряла свое очарование. Поэтому они взяли свои дома – всего их было сорок восемь, – подняли домкратами, погрузили на баржи и переправили по воде на материк. Большинство старых домов в Провинстауне строились без фундаментов прямо на песке, и перенести их с одного места на другое было не сложнее, чем переправить по суше крупную лодку. Были известны случаи, когда материковые дома, примостившиеся на верхушках дюн, с течением лет оседали вниз, пока не оказывались у подножия тех самых холмов, которые когда-то венчали.

Дома, переправленные по воде с Лонг-Пойнта, по-прежнему здесь – в основном они сосредоточены в западной части Провинстауна, хотя некоторые можно найти и в Ист-Энде. Опознать их можно по синим табличкам с изображением дома на барже, мирно плывущей по белым загогулинам волн.

На пике отлива до Лонг-Пойнта из Вест-Энда можно дойти по влажному песку. Туда можно добраться вне зависимости от приливов и отливов по дамбе, идущей от западного окончания Коммерсиал-стрит. Дамба представляет собой ленту из неровных гранитных блоков шириной примерно в тридцать футов, конец которой почти теряется из вида, если смотреть на Лонг-Пойнт со стороны материка. Возможно, вам захочется проделать весь путь, а может, вы решите дойти до середины и просто посидеть на камнях. Летом, за час или около до пика прилива, когда вода прибывает, вы можете соскользнуть с камней и позволить приливу унести вас почти до самого берега.

Если вы все же дойдете до Лонг-Пойнта, то окажетесь на песчаной косе шириной около трехсот ярдов: по одну сторону бухта, по другую залив, между ними – заросли дюнной травы. Лонг-Пойнт аскетично украшен маяком и давно опустевшим сараем, где некогда хранили ламповое масло. Скорее всего, вы там будете одни, хотя воды вокруг вас будут кишеть лодками. Это излюбленное место гнездования крачек и чаек. Когда много лет назад я отправился туда с Кристи, парнем, с которым тогда жил, он пробрался в заросли травы и спугнул птиц. Если я

---

⁵ Англо-американский вооруженный конфликт, так называемая “вторая Война за независимость”.

расскажу, как он, ликуя, стоял среди сотен вопящих белых птиц, яростно круживших и пикировавших вокруг него, как величественно скалился – ни дать ни взять персонаж из Данте, – пока я стоял невдалеке, беспокоясь о растревоженных птицах, вы можете узнать все, что необходимо, о том, почему мы были вместе и почему нам пришлось разойтись.

Соляная топь

Справа от дамбы, за крутой дугой, которую описывает Коммершиал-стрит, возвращаясь назад и меняя свое название на Брэдфорд-стрит, находится соляная топь. Длинная дорога, что берет начало у материковой оконечности Кейп-Кода, заканчивается здесь, у этой дикой лужайки морской травы. Глядя на топь, можно достоверно узнать, который час, а также определить состояние погоды и время года: весной и летом она изумрудная, осенью – золотая, зимой – бурая и охристая. Ветер поднимает среди трав и камышей сполохи и волны более бледного цвета, так что, стоя на краю, можно увидеть, насколько сильно и в каком направлении он дует. Поскольку топь всегда хотя бы частично скрыта под водой, отраженное небо подсвечивает траву снизу. В солнечные дни она может выглядеть неправдоподобно яркой, в пасмурные – и того ярче.

Во время отлива здесь образуются лужи, на приливе все затапливает. Топь оканчивается дюнным хребтом, за которым уже океан, хотя оттуда, где вы сейчас стоите, его не видно. Вы можете увидеть цаплю-другую, шлепающую по приливному бассейну. Вдали вы, несомненно, разглядите торчащий большим пальцем белый маяк Вуд-Энда. (Не тот, что на Лонг-Пойнте.) Я никогда к нему не ходил и не намерен этого делать. Я знаю – точнее, могу предположить, – что вблизи это всего лишь старая оштукатуренная башня; краска на ней потрескалась и облупилась, а бетонное основание сплошь заляпано чаячьим дерьмом. Я предпочитаю, чтобы тот маяк оставался далеким объектом и его романтический образ не разрушался – что-то из Вирджинии Вулф. Думаю, в каждом городе и городке должно быть хотя бы одно подобное место, желательно красивое и таинственное, которое вы видите, но никогда к нему не приближаетесь.

Херринг-Коув

Из двух официальных общественных пляжей Провинстауна (второй – Рейс-Пойнт) Херринг-Коув расположен ближе к городу – до него можно дойти пешком или доехать на велосипеде. Летом туда ходит бесплатный городской кольцевой автобус. От соляной топи до официального общественного входа, где есть парковка и ларек с закусками, примерно полмили, но я предпочитаю заходить поближе – через дюны.

Идите на север от соляной топи, мимо небольшой темной лагуны, что справа от дороги, напрямик к роще, пока не увидите кучу припаркованных велосипедов. Там, между деревьями, есть проход – вы его точно заметите.

До пляжа оттуда минут пятнадцать пешком. Вы окажетесь среди приливных отмелей с высокими дюнами по обе стороны и изогнутой стеной песчаных наносов, тянущихся вдоль океана. Возможно, вы увидите мачты и верхнюю палубу проплывающей мимо лодки – зрелище приятное, хотя и несколько сюрреалистическое: усеченная лодка, мирно скользящая по-над песком.

Там есть нечеткая, но различимая тропа, которой вам стоит придерживаться. Местный ландшафт хрупок – лучше его не топтать. Если дело происходит во время отлива, подсохший песок будет тут и там усеян прозрачными лужицами. Во время прилива вам придется пробираться вброд. Если вы отправитесь туда сильно после полудня или ранним вечером, дюны будут переливаться розово-оранжевым свечением, как внутренняя сторона спиральной раковины.

В приливных лужах, если прилив уже начался, будет полно мелкой рыбешки и небольших сине-черных крабов. Можно увидеть, хотя и очень редко, стайки кальмаров, пойманных в ловушку отливом и ждущих, когда вернется океан. Живые кальмары совсем не похожи на тех, что продаются на рыбном рынке. Умирая, они теряют прозрачность. В жизни они просвечивают, как медузы, а глаза у них – хотя и отдаленно не напоминают глаза млекопитающего – бледно-голубые. Лучше всего их глаза, блеск их щупалец различимы, когда они под водой.

Поскольку эта местность регулярно затапливается, по пути вам попадет немалая часть того, что обычно скрывает океан. Тропа усеяна трупиками крабов, постепенно приобретающими крапчато-лососевый цвет, не свойственный им при жизни; со временем они и вовсе бледнеют до алебастрового. Вы можете увидеть мертвого окуня или двух, которых уже потрошат чайки. Там будут водоросли и коряги, иногда во впечатляющих горах, и пряди веревок, бывших рыболовецкими сетями, – черные, желтые, бирюзовые, оранжевые. Однажды я нашел там обрывок чайчьего крыла – арфу из белых перьев – и отнес домой Кенни, радуясь не только тому, что мне попала такая диковина, но и тому, что я могу притащить ее домой и моего возлюбленного не отпугнет эта жутковатая красота.

Тропа и пляж, к которому она ведет, по большей части облюбованы геями. Когда вы приблизитесь к берегу и дюны истают в широкую неглубокую впадину, вы увидите тропинки, извивающиеся в траве. В часы отлива они высыхают. На приливе вода здесь поднимается в половину человеческого роста. На этих тропинках, во всей этой низине летом царит оживление: для провинстаунских геев это пятачок Сан-Марко. Мужчины идут на пляж и с пляжа. Мужчины бродят среди дюн, нежатся на небольших островках, образующихся среди приливных бассейнов, переходят их вброд или плавают там, где поглубже. Змеящиеся тропинки образуют замысловатую сеть лабиринтов, и если вы пойдете по ним в разгар прилива, то окажетесь по коллено, а то и по пояс в мягко движущейся воде, окруженной с обеих сторон живой изгородью из высоких трав. Мужчины уходят в травы, чтобы заняться сексом, и, если вы не ищете секса с незнакомцами или не хотите видеть, как это делают другие, вам лучше избегать травяного лабиринта и идти напрямик на пляж; впрочем, даже если вы сторонитесь удаленных мест, вам все равно могут попасться двое, а то и больше мужчин, резвящихся у всех на виду. Не знаю,

как другим, но лично мне в этих совокуплениях на фоне сияющего приливного пейзажа всегда видится нечто невинно-вакхическое – здесь больше естества, чем похоти. Они будто бы принадлежат другой версии мира – диковато-лесной, полуклассической, бесстыдной и необузданной. Будто бы они освободились от трудов и печалей, от страхов и даже от надежд, и им достался час или два, во время которых значение имеет лишь желание. Мне кажется, было бы здорово убедить мужчин, занимающихся сексом на болотах, носить меховые гетры с копытами, прикреплять ко лбу маленькие бугристые рога и выдувать из флейт грустные мелодии, пока они бродят по лабиринтам из воды и травы.

Когда вы пересечете дюны, преграждающие океан, то окажетесь на пляже, где вода почти всегда спокойна, поскольку Херринг-Коув расположен на внутреннем изгибе мыса и обращен не на восток, а к юго-западу. По международным стандартам Херринг-Коув – очень средненький пляж. Он относительно узок, и песок у воды обильно усыпан камнями, ходить по которым непросто. Новая Англия, даже в самых сибаритских своих проявлениях, обычно предполагает определенные трудности или неудобства; спелый плод здесь не упадет с дерева в вашу протянутую руку. Сами по себе камни красивы, если это хоть сколько-нибудь вас утешит. Гладкие, овальные, отшлифованные водой – самые симметричные из них напоминают скульптуры Ногучи. Если вы любите собирать морские камешки, должен вас предупредить: многие из них, пока не обсохли, переливаются невозможными оттенками охры, густого красного, насыщенного зеленого, но, высыхая, они теряют цвет. Я предпочитаю глянцево-черные, высыхающие до различных оттенков серого – от желто-серого до приятного молочно-серого, как след от мела на вымытой школьной доске. У меня на рабочем столе их целая площадка.

Летом южная часть пляжа принадлежит мужчинам. Практически никого, кроме мужчин, вы там не встретите. Они лежат группками на песке, разговаривают и смеются, слушают музыку. Они прогуливаются практически без одежды, и некоторые из них хороши собой, хотя сама идея дефилировать по песку, поигрывая мускулами, в надежде поразить воображение незнакомцев, осложняется наличием камней, которые во многом сводят на нет возможность сохранять царственное спокойствие даже несколько шагов подряд. В общем, вся эта затея с грациозными перемещениями по Херринг-Коув выглядит слегка комичной – в отличие, скажем, от прогулки по широкой песчаной магистрали пляжа на Файер-Айленде, где честолюбивые объекты вождения проплывают с востока на запад и обратно, невозмутимые, как корабли на военном параде.

Если, выйдя на берег, вы свернете налево, то постепенно доберетесь до маяка на Вуд-Энде, а там и до Лонг-Пойнта. Если же пойдете направо, вскоре окажетесь у главного входа на пляж – того самого, где парковка. Чуть раньше начинается женский сектор.

Происходит стремительно преобразование. Вот вы среди мужчин, лежащих на полотенцах (особо отважные экземпляры плещутся в холодной воде), затем минуете короткую промежуточную полосу смешанного пляжа, и вот уже берег заполнен почти исключительно женщинами.

Тот факт, что геи ходят на пляж в плавках и с полотенцем, а лесбиянки берут с собой все, что только способны унести, в Провинстауне считается трюизмом. Человек противится обобщениям (и подвержен им), но нельзя отрицать, что здесь, в женском секторе, гораздо чаще можно увидеть складные шезлонги, зонтики, кулеры, надувные плоты, резиновые сандалии для ходьбы по камням и все такое прочее. Женщины, расположившиеся на песке, в более-менее равной степени напоминают как домохозяйек, так и амазонок. Поскольку я мужчина, каждый раз, проходя по их территории, я чувствую, что ступил в чужие владения – сафическое сообщество, в той же степени чудное и фееричное, и до такой же степени сосредоточенное на себе, как и стаи сатиров, бродящих по подтопленным тропам в дюнах. Обнаженная грудь здесь скорее норма, чем исключение, и для многих из нас это уникальная возможность осознать, что женская грудь – одно из самых многообразных человеческих чудес. Вот груди, упругие, как груши. Вот женщины, чьи груди – лишь едва заметные округлости плоти, куда менее примет-

ные, чем грудные мышцы большинства мужчин, бездельничающих и резвящихся на пляже, с демонстративно выпирающими сосками цвета мускусной дыни, размером с кончик пальца. А вот царственные луны, тропически-розовые, с мраморными вкраплениями сине-зеленых прожилок, увенчанные низко посаженными ореолами цвета молочного шоколада. Женщины здесь гораздо чаще, чем мужчины, бросают мячи или летающие тарелки у кромки воды. С гораздо большей степенью вероятности они будут плавать с собаками. И, скорее всего, многие будут с детьми, которые начисто отсутствуют в мужском секторе. Женская часть пляжа – скопище детей всех рас, и с каждым годом их становится больше.

Если вы пойдете дальше, то пройдете мимо злополучной заасфальтированной насыпи, где расположены закусовая, уборные и душевые. Еще дальше – длинный участок пляжа, где преобладают гетеросексуальные семьи, обосновавшиеся в припаркованных домах на колесах и жилых прицепах. Некоторые кемперы и трейлеры оборудованы навесами, в тени которых сидят бабушки и дедушки, любясь видом, или читая, или присматривая за грилями. Мужчины и женщины рыбачат с берега и часто, в ожидании поклевки, сидят на садовых алюминиевых стульях. Повсюду носятся дети. Люди в этой части пляжа более шумны, менее сексуальны и склонны к беспорядочным социальным связям. Секторы геев и лесбиянок в определенном смысле феодальны – каждый лагерь со всеми друзьями и любовниками, детьми и домашними животными замкнут в себе, заговаривать можно только со знакомыми, когда те проходят мимо, за чужаками наблюдать следует либо исподтишка, либо вообще никак. Хотя я уверен, что те гетеросексуальные семьи незнакомы между собой и, возможно, даже не общаются, они занимают настолько больше места с этими их кемперами, барбекюшницами и рыболовецкими снастями, с представителями трех или четырех поколений, что о сохранении разделительных линий не может быть и речи. В сравнении с геями и лесбиянками, расположившимися чуть выше, они иначе впряжены в свои жизни. Они напоказ обходительны со своими супругами, родителями и детьми, и поэтому, во всяком случае постороннему человеку, они напоминают скорее деревню – со всем тем, что в деревне подразумевается под общей целью. Кажется – хотя я сомневаюсь, что это действительно так, – будто какая-нибудь мать вполне может случайно вытащить из воды ребенка другой женщины, а какой-нибудь дед – небрежно перевернуть гамбургеры чужого сына, пока двое упомянутых мальчиков средних лет вытягивают из воды луфарей.

Еще дальше по побережью находится Хатчес-Харбор – одно из наименее известных провинстаунских чудес.

Хатчес-Харбор

Хотя в том, что касается магии, духов земли и разумных, но незримых сил, я агностик, все же не могу отрицать, что некоторые места в Провинстауне обладают некой сущностью, лежащей за пределами их физических свойств. Хатчес-Харбор – одно из таких мест. Оно находится на приличном расстоянии от общественного пляжа, далеко за пределами парковки, так что единственная возможность туда попасть – идти по песку. Это естественная закрытая бухта, уязвимая пята в массиве суши, где океан свернулся калачиком. Когда-то здесь был эстуарий, простиравшийся вглубь мыса более чем на милю, но возведенная в 1930-х запруда превратила его в череду переплетенных приливных каналов.

Хатчес-Харбор не слишком известна. Может, вы кого-нибудь там и встретите, но не менее вероятно, что вы будете совершенно одни. Над бухтой возвышается огромная песчаная коса, вытянувшаяся по всей ее длине, как широкая спина кита; как безмятежная, абсолютно гладкая спина кита из детской книжки. В северной части стоит еще один маяк, крупнее, чем два других в Провинстауне, серьезный маяк, высокий и крепкий, не такой симпатичный и милый, как те два, предназначенный для того, чтобы предупреждать большие корабли о настоящей опасности. (За прошедшие века в здешних водах затонуло не меньше сотни кораблей.) Если стоять лицом к океану, прямо за вами будут дюны и виргинские сосны. Не то чтобы это как-то особенно впечатляло или захватывало – ничего общего с Дельфами или побережьем Орегона. Волны не разбиваются о скалы, орлы не кружат в вышине. Красота этого места умеренна и хрупка, и напоминает скорее о пустыне в Нью-Мексико или о финских озерах. Бухта, горизонт и дюны составляют идеальную пропорцию как явная часть одной всеобъемлющей идеи. Здесь все будто бы мягко настаивает на красоте малого – посмотри, вот три круглых камня в круглой чаше чистой воды. Как и любую настоящую загадку, Хатчес-Харбор невозможно толком описать или объяснить. Могу лишь сказать, что это место невероятного покоя, и если отправиться туда и остаться на час или больше, то, возвращаясь, можно ощутить, что ты был дальше и дольше, чем на самом деле.

Дюны

За пляжем в Херринг-Коув, за пределами Провинстауна, находится Национальный прибрежный парк Кейп-Код, учрежденный во времена администрации Кеннеди как зона отдыха и природный заповедник. Как бы мы ни относились к президентству Джона Ф. Кеннеди, за это мы можем его поблагодарить. Город не разрастется дальше определенной точки; никто не построит курортный отель в дюнах или на океанском взморье. Дюны – нетронутая экосистема, не менее уникальная, чем Зайон в Юте или Эверглейдс во Флориде, хотя в отличие от Зайона или Эверглейдс эти дюны отчасти рукотворны. Первые поселенцы валили деревья, чтобы запастись дровами и пиломатериалами, и вновь засаживали местность жесткой сосной и кустарниковым дубом. Когда большие деревья исчезли, песчаное море стало планомерно разрастаться вглубь полуострова, и, глядя на этот безмятежный пейзаж, вы, по сути, наблюдаете непрерывный процесс эрозии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.